Е. А. АРЬЕ

Арье Екатерина Андреевна
магистр культурологии
CEO, Научное бюро цифровых гуманитарных исследований «CultLook»
Россия, 111401, Москва, ул. 3-я Владимирская, 28
Тел. +7 (495) 305-41-08
Сайт: http://cultlook.org
редактор, английская версия журнала «Strelka Magazine»
Россия, 119072, Москва, Берсеневская набережная, 14, стр. 5А
Тел. +7 (495) 268-06-19
Сайт: http://strelka.com/en/magazine
E-mail: arie.kate@gmail.com

К слову о контрапунктах

Рецензия на: Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Коллективная монография / Под ред. Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним. — М.: Нов. лит. обозрение, 2016. — 448 с. — (Научная библиотека. Научное приложение; Вып. 153).

1

Название коллективной монографии становится первым вызовом читателю. Упомянутые стратегии «управления коммуникациями» вызывают ассоциации с целым спектром социальных наук, основной задачей которых выступает изучение интеракций, процессов передачи и восприятия информации. Апелляция же к коммуникативному опыту, разворачивающемуся на постсоветском пространстве, позволяет предположить, что речь пойдет только о современных дискурсивных политиках, реализуемых агентами социокультурного строительства в пределах определенной, хотя и во многом воображаемой географии[1]. Сужение тематики до «настройки языка» приводит к выводу: в текстах анализируется именно государственная языковая политика, низовые практики сообществ останутся в тени. Однако такое видимое концентрическое сужение кругов тематики на поверку оказывается лишь игрой с читателем. На практике он последовательно столкнется и с опытом рефлексии «постсоветского», осуществляемым разными производящими языки сообществами, и с изучением режимов властного регулирования, и с анализом норм репрезентации языковой политики в разных точках и протяженностях.

Казалось бы, это решение составителей и редакторов объединить такие разные тематически тексты под столь «неуловимым» названием говорит о не-

[1] Подробнее о ментальной географии см.: [Wolff 1994].

© Е. А. АРЬЕ

устойчивости исследовательской позиции. Начиная разговор о языковой политике, авторы, как будто загипнотизированные сменой повестки дня, часто смещают фокус внимания на содержание понятий «политическое» и «публичное». Может, они невольно вовлекаются в ныне популярные споры о функционале разных участников процесса nation-building и о присущих им способах реализации соответствующей деятельности? Возможно, указание на эту разбросанность было бы адекватной оценкой книги, если бы она представляла собой сборник разномастных статей, для которого было придумано своего рода веерное заглавие. Предугадывание в опубликованных текстах некой злободневности было бы вполне логичным предположением относительно сборника эссе, оформленного как набор авторских, почти журналистских колонок, где манера письма не обязана отвечать критериям научности.

Однако перед нами — коллективная монография, ставшая результатом реализации большого междисциплинарного исследовательского проекта и переживавшая в течение двух лет доработку. Внимательно присмотревшись к содержанию книги и принятым составителями «конструктивным решениям», можно заметить следы перманентной борьбы за упорядочивание системы научных текстов.

Например, читатель воочию наблюдает процесс трансформации объектов и предметов исследований. В принципе разницу в выборе явлений, порождающих изучаемую проблемную ситуацию, можно объяснить неоднородностью специализаций и, соответственно, методологий и взглядов экспертов. В данном же случае все оказывается несколько сложнее. Непредсказуемой гибкостью отличается само пространство языка, речи, письма, словаря и дискурса, которое «воссоздает политические, экономические, социальные и культурные противоречия и меняет разные стороны жизни на территории влияния русского языка» и на которое направлено внимание всех без исключения авторов (с. 5–6). Создатели книги оказались в непростой ситуации. Заявив о стремлении выявить стратегии конструирования одной из государственных и одновременно гражданских политик во всем многообразии ее практик, они столкнулись с изменчивостью геополитической ситуации, оказавшей влияние буквально на все существующие режимы, пространства и субъекты дисциплинирования — на граждан, сообщества, их языки и вокабуляры как способы сообщения с действительностью. В результате некоторые опубликованные фрагменты монографии описывают ситуацию, потерявшую в актуальности за последние годы[2], другие — как будто профетически угадывают тенденции регламентации языковых практик, которые разворачиваются в полную силу только сейчас, буквально на наших глазах[3]. В попытках создать множественный, но прозрачный нарратив о «языке» книга могла бы выглядеть как неловкий спор, в ходе которого участники либо фиксируют ускользающие тени неких объектов, но не их современное бытование, либо сооружают футурологические конструкции.

[2] Например, статьи Александры Архиповой, Антона Сомина и Александры Шевелевой «С экрана на плакат: дискурс власти в языковой игре оппозиции»; Ксении Гусаровой «Украинская Википедия: стихийный агент языковой политики».

[3] Например, статья Майкла Горама «О “падонках” и “кибердружинниках”: виртуальные источники порчи языка».

Однако в процессе регуляции нелинейного коллективного повествования, видимо, произошла перенастройка авторских интенций. То, что было задумано как качественное исследование проблемного постсоветского федеративного языкового устройства, превратилось в быстрый, но при этом лонгитюдный анализ гораздо более масштабного набора явлений. Ухватить исчезающие феномены, одновременно отследить возникновение новых и изменения в прежних дискурсивных практиках, обнаружить наследующие старым коллективным травмам инвариантные нормы письма и формы артикуляции мнений, которые говорят о новом витке реактуализации прошлого, — все это пришлось проделать в удивительно короткий срок. Как же монографии удалось избежать превращения в поле для припоминаний, ламентаций и утопических повествований?

С точки зрения конструкции это последовательно разворачивающийся и преемственный по отношению к звучащим репликам полилог. Его ценность — в создании напряженного пространства изучения происходящих сегодня социокультурных и политических перемен, понимание которых возможно только в условиях профессиональной коллаборации. Построение книги и названия конкретных разделов как будто говорят: экспертные позиции сильны именно своей не самой очевидной сплоченностью. Взятые по отдельности, они представляют лишь интересные case-study, работающие с проблематикой новых медиа, травматологии культуры, социолингвистики, полевой социологии и антропологии. Однако увиденные вместе — свидетельствуют о необходимости внецеховой, но при этом общей ответственности аналитиков за выявление сложностей «настройки языка» как опыта социокультурного управления.

Как замечает в предисловии **Екатерина Лапина-Кратасюк**, мобильный процесс организации монографии как коллективного исследования строился следующим образом. Понимая, что процессы, объединяемые термином «языковая политика», идут в трех направлениях («сверху» — инициированные властью, «снизу» — организованные сообществами, и «горизонтально» — регламентирующие отношения между пространствами и субъектами) и отличаются известной метастабильностью, аналитики буквально по крупицам создавали поле обсуждений. С одной стороны, оно должно было быть верифицируемым (т. е. устойчивым) по отношению к постоянно меняющемуся контексту, с другой — в достаточной степени внимательным к малейшим колебаниям общей социокультурной системы (с. 5–8). По мнению **Гасана Гусейнова**, столкнувшись с таким вызовом, современное гуманитарное знание в лице авторов монографии стало работать на «будущую теорию», которая сможет быстро реагировать на волатильность «политико-экономических и лингвокультурных процессов нашей эпохи» (с. 9). И действительно: представители социальных и гуманитарных наук часто рассуждают о собственной неспособности (и нежелании) производить утилитарно полезный, отвечающий на запросы общества ответ на вопрос «что происходит и как к этому относиться?» Как говорил Г. У. Гумбрехт, оставаясь в безопасности в своей «башне из слоновой кости», они воспринимают собственное сообщество как нечто, почти внеположное вихрям окружающей действительности [Галёна, Гумбрехт 2016]. Однако случается так, что в стремлении проанализировать этот якобы

внешний для них мир они сталкиваются с такой степенью его динамичности, не заметить которую означает проигнорировать саму суть процесса познания. В этот момент оказывается очень важным умение создавать новую систему картографирования, мэппинга той реальности, с которой субъекты не только соседствуют. «Настройка языка…» — один из примеров такой метаязыковой и ответственной акторной позиции современных представителей социогуманитарного знания.

2

Контрапункт вместо синкопы, консонанс вместо диссонанса — так можно описать логику монографии, если следовать предложенной в ее названии метафорике настраиваемой и «звучащей» среды. Казалось бы, двигаясь последовательно от разговора о травматичном наследии прошлого, отражающемся в разных дискурсивных сломах, к дискуссиям о практиках регуляции речи/письма в СМИ, сетевых пространствах и рассуждениям о языковой норме — в России и на ее плохо определяемом постимперском пограничье, — читатель погружается в чередование разных позиций тех, кто прицельно изучает антропологический, социальный и политический опыт современности. Однако это многоголосие позволяет взглянуть на изучаемую ситуацию с разных сторон. Взаимная, но уважительная инаковость авторских позиций обеспечивает объемное звучание проблематики. Это разговор не о языке как предмете регуляций, а о знаковой системе, определяющей наше бытие.

Если же воспользоваться терминологией Ж. Делёза, который полагал рефлексивное письмо формой «врачевания» [Deleuze 2004], книга выступает в качестве примера своеобразной пульс-терапии[4]. Давая определения постсоветскому модусу существования общества и его языков, авторы довольно кратко, хотя и ярко описывают конкретные эффекты витальности, казалось бы, прошлого политического проекта и его дискурсивных опытов. Их основной целью становится не токсическое воздействие на носителей языка и их привычки и не диагностика их речевых проявлений как патологических. Напротив, они точечно указывают на те тенденции, существование которых становится симптомом выстраивания определенных социокультурных конвенций. Не ставя своей задачей элитистски взглянуть на социальную повседневность, аналитики предлагают вместе подумать: станет ли общее состояние разделяемой «нами» символической системы (и, соответственно, всего спектра, ею означиваемого) стабильнее, если мы продолжим столь хаотично, дискретно или напряженно взаимодействовать с практиками, которые когда-то определяли нормативные режимы коллективного существования?

Первая глава монографии — «Языки постсоветской рефлексии: опыт калибровки» — позволяет взглянуть на разные подходы к описанию «постсоветского». В центре внимания авторов здесь оказываются словари, категории (метки, ярлыки, ключевые слова), дискурсы, которыми пользуются представители разных сообществ для фиксации настоящего как наследника прошлого.

[4] Основанная на апелляции к медицинскому дискурсу риторика здесь уместна: как минимум в одной статье монографии (Татьяны Вайзер) она оставляет важный след — и содержательный, и методологический.

Евгений Савицкий в статье «Между “геноцидом”, “оккупацией” и “братством народов”. Языки описания имперского/колониального прошлого в постсоветскую эпоху» рассказывает об опыте исторического расследования и представления имперских метанарративов. С его точки зрения, существующие примеры, оказывающиеся чаще всего вариациями на тему «постпсихоаналитического языка», свидетельствуют о том, что в российской публичной сфере отсутствуют языки профессионального обсуждения этой проблематики, но есть место некритическому восприятию тех подходов, которые лишь по внешним признакам кажутся «дьявольски прекрасными» в своей аккуратности.

Татьяна Вайзер («Травматография логоса: Язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии») и **Оксана Мороз** («Проекты “фундаментального лексикона” постсоветской культуры и экспертный язык русского литературного концептуализма») посвятили свои тексты описанию знаковых систем, порождаемых литературными сообществами. В обоих случаях языки постсоветских поэтов и писателей-концептуалистов продемонстрированы как «отражающие поверхности», в которых проявляются коммуникативные разрывы и лакуны. Эти преломления имеют место даже в актах по созданию собственных словарей, как будто конкурирующих с существующими формами культурного самовыражения. Создавая свои особые языки, поэты и писатели лишь делают более видимыми имплицитные «переломы сознания», подтексты и контексты, создают лишь «дополнения», не отменяющие существующие конвенции.

Начатый в статье Мороз разговор о мутизме официального дискурса, необходимо требующем переводчиков (работающих, например, с языком литературы и эссеистики), продолжает **Николай Поселягин**. Его статья «“Операция по нейтрализации”: травма и ее замещение в российском официальном дискурсе» рассказывает об операциях дискурсивной нейтрализации, с помощью которых в современном публичном пространстве происходит замещение формул, как будто провоцирующих травматические переживания. На его взгляд, операции по подбору таких субститутов, с помощью которых можно осуществлять спокойный диалог, неизбежно заканчиваются превращением нового словаря в набор trigger warnings, которые лишь усиливают травматизацию его пользователей.

В первую же главу помещен текст **Ольги Карповой** и **Александра Дмитриева** «Реформирование русского правописания: унификация и вариативность», повествующий о как будто гораздо более безобидной истории реформирования русского правописания. Правда, по мере чтения становится очевиден вывод, к которому приходят авторы: «в изменившихся коммуникативных условиях орфографическая правильность текста предстает ‹…› как следование внутренним, присвоенным правилам» (с. 145). Выходит, что граммарнаци — это не просто педанты в вопросах грамотности, но «охранители»? А публикация «неправленных текстов» — не следствие соучастного порождения публичных мнений в Сети, а смена систем культурной иерархии?

Вторая глава — «Регистры языковой политики: власть и сети» — обнаруживает разные режимы властного взаимодействия с языком, который представляют акторы, претендующие на владение механизмом его авторитетной настройки.

В статье **Егора Панченко** «Новостной дискурс в государственных интернет-СМИ (на примере сайта “РИА Новости”)» речь идет о стратегиях формирования редакционной политики и ее содержания в СМИ, аффилированных с государством. Обращая внимание на свершающуюся на наших глазах «цифровую революцию», автор ставит вопрос: что происходит с нарративом СМИ, если они формируют повестку дня в опоре не на общественный, а на государственный заказ? И дает ответ: в результате аудитория вовлекается в потребление «многолетнего новостного сериала», сценарий которого прописан в полном соответствии с властными интенциями. Так что даже минимальные изменения в риторике или оценках не стоит воспринимать как пример столкновения этики профессии с интенциями власти: государственная журналистика в России по определению не может быть public good.

Следующий текст за коллективным авторством **Александры Архиповой**, **Антона Сомина** и **Александры Шевелевой** («С экрана на плакат: дискурс власти в языковой игре оппозиции») — результат полевых наблюдений антропологов и лингвистов за дискурсами протестных акций зимы-весны 2011–2012 гг. Используя разные критерии для фиксации формальных параметров плакатных текстов и особенностей их создателей, авторы попытались обнаружить единую систему, определенную социолингвистическую стратегию, которая бы отражала стремление граждан всерьез включиться в борьбу за язык как средство выражения суждений. Результаты их наблюдений неоднозначны. С одной стороны, протестное движение так и не смогло нащупать общий язык говорения с властью. В то же время стремление уйти от разговора с ней тоже можно рассматривать как, пусть и косвенный, признак наличия у общества желания «консолидироваться и организовать вокруг себя собственное дискурсивное поле» (с. 196). Видимо, изолированное и инкапсулированное.

Другие три текста главы, авторами которых выступили Вера Зверева, Ингунн Лунде и Майкл Горам, посвящены анализу Рунета и его языков и перформативных практик. Ставя по-разному исследовательские вопросы, все авторы старались нащупать в сетевых способах взаимодействия проявление таких «процессов социальной динамики», которые отражают новые формы гражданской ответственности, конкурентные официальному дискурсу. И, несмотря на все различие предметов анализа, все эксперты приходят к близким мнениям.

Вера Зверева в статье «Дискурсивное конструирование социальной иерархии в Рунете» фиксирует: социальное устройство в Рунете воспроизводит уже привычные поведенческие нормы. И в значительно более радикальных формах демонстрирует расслоение общества, существующую в нем агрессивную стигматизацию и виктимизацию субъектов. **Ингунн Лунде** («Слово напоказ: языковая практика и рефлексия в Интернете») тоже замечает, что языковые онлайн-практики напрямую зависят от уже существующих высказываний. При этом перформативный метанарратив интернет-пользователей свидетельствует о «поразительном внимании к языку» (с. 237) — но к ответственности ли говорящего? Автор статьи «О “падонках” и “кибердружинниках”: виртуальные источники порчи языка» **Майкл Горам** утверждает: принадлежность Рунета к «нецивилизованной коммуникативной среде» очевидна. А вот возможные позитивные эффекты ее существования зависят от стратегий использования

этого поля. Для того чтобы национальный сегмент Интернета действительно обрел статус свободной коллективной площадки обмена мнениями, необходимо, чтобы для социума ключевое понятие «гражданское общество» перестало быть метафорой и превратилось в совокупность операциональных и тактических принципов уважительного сосуществования.

Третья и четвертая главы — «Постсоветский универсум: сборка языковой и культурной нормы» и «“Другой” как неисправность: дискурс дисперсного пограничья» — вступают в очевидный диалог. Сначала читателя знакомят с бытованием разных языковых сообществ России (выделенных в качестве миноритарных или обозначенных по национальному принципу), затем речь заходит о тех языковых нормах, которых придерживаются ближайшие «соседи» России — географические и нередко политические. Так или иначе, но все авторы возвращаются к разговорам о так называемых малых языках, в качестве которых выступают либо негосударственные региональные знаковые системы, либо дискурсивные практики «нетитульных» групп. Пожалуй, эти разделы в наибольшей степени посвящены изучению собственно языковой политики как направления деятельности государства и анализу взаимодействия сообществ с властной нормализацией языкового и национального пространств.

Так, в статье **Бориса Орехова** и **Кирилла Решетникова** «Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ» речь идет о тех параметрах, по изменениям которых можно судить об успешности существования онлайн-представительств языковых групп. В качестве таких единиц детерминирования выступают наличие или отсутствие у языка какого-либо официального статуса, количество носителей, степень сетевой активности пользователей, продвигающих язык в Сети, степень интенсивности разного рода поддержки, обеспечивающая и «внесетевые условия для бытования языка».

Екатерина Ходжаева («Постсоветская языковая политика в образовательной системе Республики Татарстан: дискурс неравенства»), **Ольга Богатова** («Социальные факторы формирования и изменения языкового режима в полиэтническом регионе (на примере Республики Мордовия)»), **Тамара Журавель** («Языковая ситуация и языковая политика в приграничье (на примере Усинской котловины Красноярского края)») рассказывают о неоднозначных местных историях дисциплинирования языка как регламентации жизни социума. О случае Татарстана, казалось бы, можно говорить с большим оптимизмом. Татарский перестал быть языком исключительно бытового общения, утратил былую стигматизирующую функцию. Однако латентное недовольство граждан республики практиками преподавания языка, не находящее выражения в активном участии в общественных дебатах, лишь замедляет процесс русификации населения, но не предотвращает его. Ситуация в Мордовии и Красноярском крае выглядит еще более удручающей — там можно фиксировать не только низкий уровень одобрения языковой политики, но и опыт языковой утраты.

Разговор о неутешительных результатах жесткой властной регламентации языковых ситуаций приобретает новый разворот в статье **Сергея Давыдова** и **Ольги Логуновой** «Репрезентация ближнего зарубежья в информационных передачах ведущих российских телеканалов». Немного возвращая читателя к тексту Егора Панченко, авторы анализируют способы представления стран Бал-

тии, Средней Азии и Восточной Европы в информационных передачах телеканалов «Первый канал», «Россия-1» и НТВ, вышедших в период национальных избирательных кампаний 2011 и 2012 гг. Представленная социологами выборка на редкость репрезентативна: стратегии говорения о странах этих регионов связаны с актуальным политическим курсом и грешат сильной политизированностью и универсализмом высказываний. Если какие-то нетривиальные прецеденты репрезентации других стран и их своеобычности и имеют место, то только в случае наличия каких-либо конкретных интересов российского истеблишмента в происходящем — скажем, в Украине, Белоруссии или Казахстане.

Кстати, эти страны отвечают взаимностью. Как отмечает **Евгения Ним** («Язык и медиа в постсоветском Казахстане: "казахизация" vs. "русификация"»), несмотря на снижение демографической мощности русского языка, продвижение политики по ограничению влияния «русского фактора» и стратегий «казахизации», коммуникативная мощность именно русского языка остается определяющей для многих сфер жизни республики. В целом вообще концентрация на языковом вопросе и сопровождающие ее конфликты заставляют задуматься о той цене, которую платят граждане за активное соревнование трендов на строительство евразийского или моноэтничного государства.

Ксения Гусарова («Украинская Википедия: стихийный агент языковой политики») в свою очередь улавливает похожую тенденцию при разборе своего кейса. Вне зависимости от непоследовательности языковой политики Украины как независимого государства постсоветское имперское наследие «сквозит» практически во всех практиках авторепрезентации. Замечу, что в качестве кейса автор выбирает Крым. Интересно было бы посмотреть, изменились ли каким-то образом нормы конструирования публичного пространства местности, пережившей радикальный опыт превращения из одного из украинских русскоязычных пространств в субъект РФ? И какие, очевидные и не очень, отражения этого «перехода» можно обнаружить в украинской и российской версиях Википедии? А в англоязычной, например?

Финалом книги выступает исследование **Екатерины Протасовой** «Языковая политика Финляндии и русский язык», посвященное изучению специфики языковой политики в государстве, в определенные периоды истории также вовлеченном в бурное взаимодействие с имперской Россией. Впрочем, здесь ситуация выглядит более чем гармонично. Языковая политика современной Финляндии, полностью согласующаяся с общим вектором на интеграцию в Европу «в качестве активного и предприимчивого члена ЕС» (с. 437), приводит к сбалансированной настройке властных рекомендаций и сценариев коммуникации между несколькими стейкхолдерами культурных регуляций. В результате наличие русского языка в активном обращении (в городском пространстве — на вывесках, в медиа — в качестве публикаций материалов в СМИ) становится просто удобной и эффективной экономической и политической стратегией, одним из пунктов языкового планирования, но не симптомом каких-то неудач национального строительства.

На мой взгляд, такое оптимистичное и при этом спокойное в своих интонациях завершение книги может иметь своеобразное дидактическое значение. Языковая политика как совокупность направлений акторной деятельности работает качественно в том случае, если выступает частью глобально отстроен-

ной политической системы. Возможно, читатель, рассчитывавший получить в процессе знакомства с монографией подробное описание системы мероприятий российской власти, столкнется с неожиданным оптикой изучения интересующих его проблем. Однако по этой «Настройке языка…» все-таки многое можно понять о привычках всех участников политических и социокультурных процессов, которые и создают режимы дисциплинирования и регламентации микро- и макропроцессов в самых разных пространствах, полях, регионах и территориях.

Литература

Галёна, Гумбрехт 2016 — Евгений Галёна — Ханс Ульрих Гумбрехт. «Башня из слоновой кости»: О будущем гуманитарного образования // Новое литературное обозрение. № 138. 2016. Цит. по электрон. версии. URL: http://www.nlobooks.ru/node/7186.

Deleuze 2004 — *Deleuze G.* Logic of sense. London: Bloomsbury Publishing, 2004.

Wolff 1994 — *Wolff L.* Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the enlightenment. Redwood City: Stanford Univ. Press, 1994.

Concerning counterpoints

Arie, Ekaterina A.
Master in Cultural Studies
CEO, NGO Bureau for digital humanities' studies "CultLook"
Russia, 111401, Moscow, 3 Vladimirskaya str., 28
Tel.: +7 (495) 305-41-08
Website: http://cultlook.org
Editor, Strelka Magazine, Strelka Institute for Media Architecture and Design
Russia, 119072, Moscow, Bersenjevskaya naberezhnaya, 14, 5A
Tel.: +7 (495) 268-06-19
Website: http://strelka.com/en/magazine
Email: arie.kate@gmail.com

A review of: Lapina-Kratasyuk, E. G., Moroz, O. V., Nim, E. G. (Eds.) (2016). *Nastroika iazyka: upravlenie kommunikatsiiami na postsovetskom prostranstve: Kollektivnaia monografiia* [Adjusting language: Managing communications in post-Soviet space. A collective monograph]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie 448 p. (In Russian).

References

Evgenii Galiona — Khans Ul'rikh Gumbrekht. "Bashnia iz slonovoi kosti": O budushchem gumanitarnogo obrazovaniia (2016). [Yevgen Galona — Hans Ulrich Gumbrecht. "The ivory tower": On the future of education in the humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]*, 2016*(2) (= no. 138). Retrieved from http://www.nlobooks.ru/node/7186. (In Russian).

Deleuze, G. (2004). *Logic of sense*. London: Bloomsbury Publishing.

Wolff, L. (1994). *Inventing Eastern Europe: The map of civilization on the mind of the enlightenment.* Redwood City: Stanford University Press.

Arie, E. A. Concerning counterpoints. *Shagi / Steps*, *3*(2), 218–226